

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №2, Том 8 / 2020, No 2, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Буланова И.С. Проблема неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №2, <https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bulanova I.S. (2020). The problem of the unconscious in the cognitive regulation of social behavior. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 2(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN220.pdf> (in Russian)

Грант РФФИ № 19-013-00236 «Нормативная регуляция и саморегуляция просоциального поведения»

УДК 159.99

ГРНТИ 15.21.31

Буланова Ирина Сергеевна

ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия

Доцент

Кандидат психологических наук

E-mail: Bis_m@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=737986

Проблема неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения

Аннотация. Статья посвящена проблеме неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения. Она сводится к вопросу о том, как ментальные репрезентации становятся регуляторами реального поведения человека во взаимодействии и каково соотношение неосознаваемого и осознаваемого в этой регуляции. В статье представлены три точки зрения на решение этого вопроса. Традиционная точка зрения подразумевает, что процессы когнитивной организации информации могут быть неосознаваемы, в то время как способ, которым эти когнитивные системы используются в регуляции социального поведения, всегда осознаны. Устойчивой в науке является мысль о том, что осознанность – это ключевой механизм саморегуляции, которая направлена, главным образом, на деятельность, социальную активность и поведение. Другая точка зрения исходит из того, что неосознаваемыми являются простые действия, которые повторяются во множестве идентичных стимулов и актуализируются без сознательных усилий. В этом контексте предметом социальной психологии являются автоматизмы. И, наконец, еще одна точка зрения подразумевает, что бессознательное социальное познание превосходит социальные процессы мышления, а социальное поведение регулируется динамикой осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов. В этом случае, неосознанный характер могут носить сложные социальные действия и поведение. Описаны примеры таких неосознаваемых процессов, регулирующих социальное поведение. Прослеживается связь данных точек зрения с историческими вехами развития психологии и ее направлениями. Нерешенность вопроса о соотношении осознаваемого и неосознаваемого в когнитивной регуляции поведения сводится к неопределенному методологическому статусу бессознательного в психологии и традиции рассматривать данные структуры в качестве дихотомических.

Ключевые слова: неосознаваемые процессы; социальное познание; регуляция социального поведения

Введение

В современной литературе можно наблюдать всплеск интереса к бессознательным механизмам сложных психических процессов: А.Ю. Агафонов, М.А. Аллахвердов, М.В. Зотов, А.В. Катунин, Ю.Е. Шилов, J.A. Bargh, A.S. Reber. Например, в области работы сознания и обработки информации [1–3]. Речь идет о «когнитивном бессознательном», «имплицитной памяти», «имплицитном научении», «бессознательных алгоритмов обработки информации». Под когнитивным бессознательным понимаются структуры или функции внутренних механизмов мышления или, более широко, это неосознаваемая переработка информации [4]. «Исследователи когнитивного направления все больше стали признавать бессознательное в качестве мощного познавательного ресурса» [5, с. 908]. Однако, несмотря на то, что достигнуто некоторое единство в отношении существенной роли бессознательного в процессе познания, отсутствуют как теоретические обоснования природы бессознательного, так и эмпирические исследования в данной области (Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В.). Так, например, один из ключевых нерешенных вопросов – соотношение понятий «сознание» и «бессознательное», и их совместное функционирование в процессе познания (Никитина Е.А.).

Еще одним нерешенным вопросом является роль неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения. О каких бы внутренних механизмах регуляции социального поведения не шла речь (нормах, ценностях, убеждениях), все они имеют когнитивную природу. Сталкиваясь с информацией о социальном стимуле (человек, объект или событие), человек обращается к нему выборочно, фокусируясь на одних событиях, игнорируя другие. Информация интерпретируется с точки зрения предыдущего опыта и знаний. Однако, в конечном счете, именно эти представления, а не исходные стимулы определяют последующее социальное поведение. Центральной проблемой социальной психологии, не получившей решение, остается вопрос о том, каким образом ментальные репрезентации становятся регуляторами реального поведения человека во взаимодействии и каково соотношение неосознаваемого и осознаваемого в этой регуляции [6]. «Знают ли люди что они делают?.. Действия человека продуманы и рациональны или, напротив, бессмысленны и автоматичны?» [7, р. 59].

Теоретический анализ проблемы

Традиционный взгляд отечественной психологии на этот вопрос подразумевает, что процессы когнитивной организации информации могут быть неосознаваемы, в то время как способ, которым эти когнитивные системы используются в регуляции социального поведения, всегда осознаны. Так, например, социальные нормы как регуляторы социального поведения традиционно рассматриваются как усвоенные, интериоризированные представления о том, какого рода поведение предписано в данном социальном контексте [8]. «Будучи усвоенными, интериоризированными, превратившись в факторы внутреннего мира человека, социальные нормы воздействуют на поведение через систему внутренних факторов регуляции – самосознание и самооценку, мотивационную систему, понимание и установки, то есть становятся собственно личностными средствами регуляции поведения» [9, с. 147–148]. Наконец, социальные нормы участвуют в формировании «высшего этажа» регулятивных механизмов поведения человека: его идеалов, убеждений, мировоззренческих установок, высших нормативных представлений и нравственных образований – чувства долга, совести. Большинство концепций саморегуляции основано на том, что ее личностный уровень является определяющим, венцом психической регуляции (Ершова Л.В., Конопкин О.А., Моросанова В.И., Сергиенко Е.А.).

По мнению В.Е. Ключко, такое понимание процесса саморегуляции как осознанного и произвольного управления и контроля активности является результатом развития научной психологической мысли и последовательной смены парадигм от классической к постклассической [10]. На данном этапе развития науки устойчивой является мысль о том, что осознанность это ключевой механизм саморегуляции, которая направлена, главным образом, на деятельность, социальную активность и поведение. В то время как неосознаваемые механизмы саморегуляции обеспечивают жизнедеятельность организма, который в свою очередь, осуществляется на основе эволюционно сложившихся норм [10, с. 8]. В целом, и исследования в области социального познания характеризуются акцентом на сознательную часть, подразумевая, что когнитивная система позволяет людям понимать, и тем самым адаптивно ориентироваться в сложном информационном мире. Индивид понимается как рациональный, способный противостоять социальному влиянию. Сам факт взаимодействия с неопределенной средой означает, что есть необходимость думать о том, что мы делаем, и отслеживать происходящие изменения.

Противоположной точкой зрения является мысль о том, что область бессознательного познания является ведущей в восприятии, оценке, переработке информации о социальных объектах, а также в регуляции поведения [11–13]. Наиболее ярким представителем этой точки зрения является J.A. Bargh. Он утверждает, что сознание не является существенным посредником между стимулами социальной среды и реакцией на них, то есть поведением. Это касается и сложных форм социального поведения. Сознание не только не нужно для регуляции поведения, оно является контрпродуктивным [11–13]. По предположению R. Wyer, оно как раз играет ровно противоположную функцию – нарушает предсказуемые закономерности. Сознание подрывает закономерную, предсказуемую природу человеческого поведения и создает ситуацию относительной неопределенности [14].

Ключевым понятием, объясняющим природу неосознаваемого в социальном поведении, является понятие автоматизмы. Автоматизмы обладают рядом характеристик: (1) они являются непреднамеренными, (2) быстро и легко возникают, (3) автономны, (4) находятся вне осознания, а также (5) эффективны. Их систематизация, в частности, представлена в работах R. Wyer [14]. Повторяющееся поведение становится автоматическим и запускается каждый раз при столкновении со схожим стимулом. Другими словами, то или иное поведение повторяется во множестве идентичных стимулов и актуализуется без сознательных усилий. Механизм запуска и работы автоматизма основан на эффективности поведения. Так, например, мотивами самоэффективности поддерживается лояльность по отношению к нормам. Также как человек, который использует грамматические правила, тот, кто использует нормы, наравне с другими участвует в социальном взаимодействии, а, значит, переживает позитивные эмоции в связи с удовлетворением потребности в самоэффективности [15]. То есть мы можем научиться контролировать свою среду, потому что у нас есть интуитивное понимание того, что нам нужно в ней делать, и чем больше опыта мы получаем, тем лучше мы можем автоматически обобщать наши решения и действия в новых ситуациях.

Такая точка зрения берет свое начало в социальном бихевиоризме. Подразумевается, что когнитивный мир строится и регулируется социальными структурами и межличностным взаимодействием. Процессы социального познания находятся в строгом отношении с их социальным контекстом и социальными функциями. Специфика социального познания в отличие от других форм познания заключается в том, что оно направлено на социальный объект, обладает социальной природой, социально разделяемо [16].

Неосознаваемые регуляторы социального поведения не сводятся только к автоматизмам [17; 18]. Есть ряд процессов, которые также происходят на неосознаваемом уровне, но не являются автоматизмами. В качестве примера можно назвать поведение и действия

религиозных экстремистов, фанатиков, идеологов. Ключевой вопрос заключается в том, какие мотивы поведения толкают на совершение подобных действий? Распространена точка зрения, согласно которой, причины совершенных действий кроются в личностных особенностях людей. В частности, рассматриваются их различные патологические проявления, или социально-психологические условия, формирующие такую личность. Вместе с тем, очевидно, что уровень их мастерства и адаптивные способности не совместимы с патологическими проявлениями, психическими и невменяемыми состояниями. Становится актуальной роль неосознаваемых процессов в регуляции такого социально-деструктивного поведения. В частности, может быть обнаружено несоответствие декларируемым ценностям и нормам реальному поведению, когда эксплицитно выражается одна ценностная система и нормы, а реальное поведение регулирует другая. Так в исследовании религиозной нормативности выявлено, что основная функция, которую выполняют религиозные нормы, вне зависимости от их содержания – функция групповой принадлежности и самопрезентации [19]. В этом случае, важным становится не смысловое содержание нормы, а опосредованная нормой связь верующего с группой. В текстах проведенных нами групповых интервью можно найти такие подтверждения. Так, на вопрос «почему важно быть милосердным?» верующий отвечает, «мы как христиане должны показывать собственным примером, что это такое» (М., 42 г.) или «Христианин должен быть эталоном, примером показывать, не завязавшись в черный платок и ходить, ползать биться об пол во время молитвы. Он действительно должен показывать эту любовь, о которой мы здесь говорим любовь к ближнему, послушание, смирение» (М., 42 г.). Лингвистическим подтверждением функции групповой принадлежности религиозной нормы можно назвать некоторое «смещение» авторства текста интервью. В текстах практически полностью может отсутствовать «я» говорящего. Человек начинает говорить не от собственного лица, а от лица группы. «Я» заменяется на «мы». Таким образом, сами нормы осознаются, но в процессе регуляции социального поведения присутствуют дополнительные переменные, опосредующие их влияние на поведение, в частности, групповая идентичность.

В этом случае бессознательное познание можно рассматривать как более сложное и всеобъемлющее, превосходящее сознательные процессы мышления [20]. В то время как осознание является своего рода рационализацией совершенных действий.

Таким образом, можно назвать, по крайней мере, три точки зрения на вопрос статуса неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения. Первая точка зрения подразумевает главенство сознания и самосознания в процессе регуляции социального поведения. Она исходит из того, что когнитивные структуры, регулирующие социальное поведение, являются составляющими самосознания, а бессознательное рассматривается как нижележащий уровень в иерархической психической структуре. Вторая точка зрения исходит из наличия простых неосознаваемых действий, которые повторяется во множестве идентичных стимулов и актуализуется без сознательных усилий, то есть автоматизмов. Действия имеют свойства «накапливаться» и наиболее эффективные из них переходить в область неосознаваемых. И, наконец, еще одна точка зрения подразумевает, что бессознательное социальное познание превосходит социальные процессы мышления, а социальное поведение регулируется динамикой осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов.

Выводы

Выявленные взгляды на роль неосознаваемых процессов в регуляции социального поведения отражают неоднозначный статус бессознательного в научной психологии. С одной стороны, еще сильна традиция рассматривать сознание и бессознательное в качестве дихотомии. С другой стороны, в современной литературе неосознаваемые процессы рассматриваются на всех уровнях структуры психики. Так, например, актуальными является

исследования неосознаваемых аспектов самосознания, самости, Я-концепции. Очевидно также наличие сложных социальных действий, регуляторы которых не осознаются. В связи с этим, точка зрения, согласно которой регуляция социального поведения осуществляется только сознательными процессами не в полной мере соответствует актуальным направлениям исследованиям, а сведение всех неосознаваемых регуляторов поведения к автоматизмам является достаточно узким. Вместе с тем, рассматривать бессознательное познание как превосходящее процессы социального мышления видится преждевременным.

Проблема неосознаваемого в когнитивной регуляции социального поведения требует решения вопросов методологического статуса неосознаваемого в психологии в целом. Как отмечает Никитина Е.А., несмотря на обширный материал, свидетельствующий об участии бессознательного в познании, систематизация данных материалов затруднена в силу существенных различий в исходных концептуальных установках множественных подходов и трактовок бессознательного [21, с. 5]. Ближайшие перспективы исследований в данной области могут быть сосредоточены на определении взаимосвязи процессов осознаваемого и неосознаваемого в регуляции социального поведения на основе определенного статуса бессознательного в психологии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов М.А., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное: Психология сознания / М.А. Аллахвердов, Е.Ю. Воскресенская, О.В. Науменко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12. Вып. 2. – С. 10–19.
2. А.Ю. Агафонов Наука о сознании: нерешенные проблемы // Онтология проектирования. – 2014. № 2 (12). – С. 8–18.
3. Reber A.S. Implicite leaning and tacit knowledge // Journal of Experimental psychology: General. – 1989. – 188. – 235 p.
4. Аллахвердов М.А., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное: Психология сознания / М.А. Аллахвердов, Е.Ю. Воскресенская, О.В. Науменко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12. Вып. 2. – С. 10–19.
5. Шилов Ю.Е. Когнитивные аспекты изучения бессознательного в современной психологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Том 17. № 1 (4). – С. 907–912.
6. Панкратова Т.М. Саморегуляция в социальном поведении: уч. пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 112 с.
7. Robert S. Wyer Jr. Thomas K. Srull Handbook of social Cognition Vol.1 Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. Hillsdale. NJ. – 1994. – 492 p.
8. Курышева О.В., Чернов А.Ю. Содержание и динамика социально-возрастных норм в период взрослости. – Волгоград: Из-во ВолГУ, 2015. – С. 87.
9. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию: учебное пособие для вузов. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.

10. Клочко В.Е. Категория саморегуляции в контексте парадигмальных изменений современной психологии // Психология саморегуляции в XXI веке. Коллектив. монография. Москва-Санкт-Петербург: Изд-во ООО «Нестор-История». – 2011. – С. 38–56.
11. Reber A.S. Implicite leaning and tacit knowledge // Journal of Experimental psychology: General. – 1989. – 235 p.
12. Christina Lee Alternative to Cognition: A New Look at explaining Human Social behavior. Lawrence Erlbaum Associated, Mahawah, NJ. – 1998. – 176 p.
13. Bargh J.A. The four horsemen of automaticity: intention, efficiency, awareness, and control as separate issues in social cognition // Handbook of social cognition. Vol. 1. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, – 1994. – P. 1–40.
14. Robert S., Wyer Jr., The Automaticity of Everyday Life. Lawrence Erlbaum Associates Mahawah, NJ. – 1997. – 272 p.
15. Чернов А.Ю., Змиевская А.А. Выявление социально-возрастных норм с помощью анализа качественных данных / А.Ю. Чернов, А.А. Змиевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2015. Том 4. № 1. – С. 34–38.
16. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию: учебное пособие для вузов. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.
17. Dijksterhuis A., van Knippenberg A., Kruglanski A., Schaper C. Motivated social cognition: Need for closure effects on memory and judgment // Journal of Experimental Social Psychology. V. 32. – 1996. – P. 254–270.
18. Rokeach M. The Open and Closed Mind: Investigations into the Nature of Belief Systems and Personality Systems Basic Books. New York. – 1960. – 464 p.
19. Чернов А.Ю., Буланова И.С. Феноменологический анализ религиозной нормы ответственности у людей с нормативной и диффузной религиозностью / А.Ю. Чернов, И.С. Буланова // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2017. № 4 (31). – С. 86–90.
20. Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious acquisition of information // American Psychology. – 1992. 47. – P. 796–801.
21. Никитина Е.А. Сознание и бессознательное в структуре познания: автореф. дисс. ... док. философ. наук. / Е.А. Никитина. – М., 2011. – С. 5.

Bulanova Irina Sergeevna

Moscow city pedagogical university, Moscow, Russia
E-mail: Bis_m@mail.ru

The problem of the unconscious in the cognitive regulation of social behavior

Abstract. The article is devoted to the problem of the unconscious in the cognitive regulation of social behavior. It comes down to the question of how mental representations become regulators of real human behavior in interaction and what is the ratio of the unconscious and the conscious in this regulation. The article presents three points of view on the solution of this issue. The traditional point of view implies that the processes of cognitive organization of information may be unconscious, while the way these cognitive systems are used in the regulation of social behavior is always conscious. Sustainable in science is the idea that mindfulness is a key mechanism of self-regulation, which is mainly aimed at activity, social activity and behavior. Another point of view proceeds from the fact that simple actions that are repeated in a variety of identical stimuli and are actualized without conscious effort are unconscious. In this context, the subject of social psychology is automatism. And finally, another point of view implies that unconscious social cognition surpasses the social processes of thinking, and social behavior is regulated by the dynamics of conscious and unconscious cognitive processes. In this case, complex social actions and behavior can be of an unconscious nature. Examples of such unconscious processes regulating social behavior are described. The connection of these points of view with the historical milestones of the development of psychology and its directions is traced. The unresolved issue of the relationship between the conscious and the unconscious in cognitive regulation of behavior is reduced to the uncertain methodological status of the unconscious in psychology and the tradition of considering these structures as dichotomous.

Keywords: unconscious processes; social cognition; regulation of social behavior